

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

Получивъ въ свое распоряженіе сорокъ пять писемъ И. А. Гончарова къ извѣстному писателю, цензору и академику А. В. Никитенку, автору широко распространенныхъ „Записокъ“ и „Дневника“, редакція журнала выражаетъ лицамъ, любезно предоставившимъ эту серію для напечатанія, свою искреннюю признательность.

Не останавливаясь подробно на содержаніи этихъ писемъ, мы хотѣли бы лишь отмѣтить тотъ общій интересъ, который они возбуждаютъ. Отношенія Гончарова къ Никитенку и къ его семейству извѣстны были до сихъ поръ съ одной стороны, главнымъ образомъ по упомянутому „Дневнику“. Между тѣмъ замѣтное сходство міросозерцаній обоихъ дѣятелей уже вызвало въ біографической литературѣ вопросъ о взаимномъ вліяніи; думается, при изученіи этаго обстоятельства, печатаемое нынѣ собраніе писемъ можетъ послужить полезнымъ матеріаломъ.— Правда, обычная у Гончарова осторожность въ сужденіяхъ сказывается здѣсь довольно явственно, что происходило, возможно, изъ опасенія нѣкоторой, не безъизвѣстной писателю, словоохотливости его корреспондента, а еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе оффиціального положенія обоихъ, но за то, здѣсь же можно найти свѣдѣнія и о служебныхъ дѣлахъ Гончарова, и о редакторствѣ его въ „Сѣверной Почтѣ“, наконецъ, самое важное,— о его взглядахъ на собственное творчество и на самого себя. Все это разбросано въ видѣ случайныхъ замѣтокъ, отдѣльными черточками, но внимательное чтеніе даетъ намъ въ цѣломъ по-

вое добавленіе къ прежнимъ мыслямъ объ исторіи душевной и внѣшней жизни Гончарова. Не говоримъ о тонкомъ, спокойномъ юморѣ писателя, о его исключительной житейской наблюдательности; все это само собою разумѣется въ творцѣ „Обломова“. Эти свойства и здѣсь налицо.

Все чаще и чаще формально „нарушается воля“ Гончарова; объ этомъ, т.-е. о правѣ печатать его письма, не распространяемся, полагая вопросъ достаточно обсужденнымъ, но, присоединяясь къ тѣмъ, кто считаетъ справедливымъ рѣшеніе не въ пользу писателя „спорнаго вопроса“ о неисполненіи его запрета,—замѣтимъ, что въ иномъ отношеніи, въ смыслѣ измѣняющейся оцѣнки личности Гончарова, побѣда остается за нимъ. И эти письма, въ добавленіе ко многимъ, опубликовываемымъ въ послѣднее время, приводятъ къ одному и тому же выводу: образъ писателя становится все яснѣе и все привлекательнѣе.

В. Я.

№ 1.

Почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ.

Сегодня—пасмурный день, сегодня мы, т. е. цензора представляемъ новому предсѣдателю Комитета ¹⁾ и сегодня же назначенъ годовою обѣдъ въ чиновничьемъ клубѣ: всѣ эти три событія уложились въ тотъ день и въ тѣ часы, въ которые мы съ Вами предприняли три совокупныхъ съ Вами, слѣдовательно добрыхъ дѣла: снять портретъ Вашъ у Левицкаго ²⁾, для чего нуженъ только свѣтъ, а не мракъ съ дождемъ; ѣсть устрицъ, для чего нужно идти къ Елисѣеву ³⁾, а не къ князю Щербатову [Г. А.] ⁴⁾, и пообѣдать не порознь, а въ

¹⁾ Кн. Г. А. Щербатовъ, попечитель петербургскаго университетскаго и учебнаго округа и, по тогдашнему устройству цензурнаго вѣдомства, одновременно предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, членомъ котораго былъ Г.—ъ съ 19 февраля 1856 г. См. у А. Мазона—„Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Г.—а“, „Русск. Стар.“, 1911 г., кн. 12, стр. 491. Кн. Щерб. былъ назначенъ попечителемъ 26 августа 1856 г. см. Русск. Біограф. Слов.

²⁾ Петербургскій фотографъ.

³⁾ И. А. очень любилъ заходить въ магазинъ Елисѣева; см. у М. Суперанскаго—„Ив. Ал. Г.—ъ и новые матеріалы для его біографіи“, „Вѣст. Евр.“, 1907 г., № 2 и 1908 г., №№ 11 и 12.

⁴⁾ Объ отношеніяхъ Г. къ Щ. см. у А. А. Мазона, тамъ же. Щ. искалъ черезъ посредство Г. знакомства съ литераторами и приглашалъ ихъ къ себѣ, чтобы имѣть постоянныя и личныя сношенія съ ними.

домъ Пашкова, Вы—не знаю гдѣ, а соединенно у Луи. Но судьба рѣшаетъ иначе и въ утѣшеніе шепчетъ мнѣ, что всѣ эти три обстоятельства, т: е: снятіе портрета, завтракъ и обѣдъ купно съ Вами непременно должны случиться на будущей недѣлѣ, когда Вы будете здѣсь и постучите, въ любой день и часъ, кромѣ пятницы, у моей двери, которая радостно распахнется передъ Вами, а за нею будутъ ждать Васъ объятія сердечно любящаго Васъ

И. Гончарова.

19 Мая. [1857 г.?).

До свѣдѣнія Казиміры Казиміровны ¹⁾ не упустите довести, что насчетъ ея ходятъ здѣсь въ городѣ ужасные слухи, что будто она, со множествомъ чужихъ сердецъ, увезла въ Царское Село чужую книгу: владѣтель, не имѣя никакой надобности въ сердцѣ, проситъ возвратить ему только книгу.

№ 2.

Надѣюсь, Вы не откажете мнѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, отобѣдать въ Среду т: е: послѣ завтра, (въ 4^{1/2} ч.) въ кругу добрыхъ пріятелей, Тургенева [И. С.], Боткина [В. П.], Майковыхъ ²⁾, Краевского [А. А.] ³⁾ etc, etc. Мѣсто дѣйствія—на заводѣ, въ квартирѣ Языкова ⁴⁾. Болѣе всего не пугайтесь мыслію, что это далеко: посредственный извозчикъ довезетъ Васъ въ 22^{1/2} минуты; къ вечеру тамъ тоже возницъ много, приведутъ, сколько угодно.

Отказатъ—и подуматъ не можете: оскорбите не одного меня, цѣлый соборъ жаждущихъ зрѣть и слышать Васъ друзей, въ томъ числѣ неизмѣнно Вашего

И. Гончарова.

20. [м.? г.?)

¹⁾ Жена А. В. Никитенка.

²⁾ Г. поддерживалъ постоянныя отношенія со всей семьей Майковыхъ. См. объ этомъ въ только-что изданной перепискѣ И. А. съ Е. В. Толстой. „Голосъ Минувшаго“. 1913 г. №№ 11, 12.

³⁾ Издатель „Отеч. Записокъ“.

⁴⁾ Г. былъ знакомъ съ нѣсколькими Языковыми. Въ настоящемъ случаѣ говорится о Мих. Александровичѣ, завѣдывавшемъ въ тѣ годы на Императорскомъ стеклянномъ заводѣ мозаичнымъ отдѣленіемъ, впоследствии бывшимъ директоромъ этого же завода. М. А. Языковъ былъ близокъ со многими писателями и славился какъ интересный, остроумный собесѣдникъ.

№ 3.

Сегодня В. П. Титовъ¹⁾ сказалъ мнѣ, что онъ очень желалъ бы присутствовать на одной изъ Вашихъ университет. лекцій и просить уведомить его, если можно, завтра утромъ, какъ расположены часы вашихъ лекцій и когда, на какую лекцію преимущественно желали бы Вы, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ, кажется, хочетъ не откладывать даже до будущей недѣли. Спѣшу сообщить Вамъ объ этомъ, чтобы Вы въ свою очередь всѣ нужныя свѣдѣнія могли сообщить Его Превосх. Владиміру Павловичу [Титову] завтра же поутру, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше: часовъ въ 9 или 10. Адресъ его: на Мойкѣ, недалеко отъ Пѣвческаго моста, въ домѣ Петрицкаго.

Я бы сегодня самъ зашелъ сказать Вамъ объ этомъ, да не увѣренъ, застану ли Васъ: можетъ быть, и найду.

Не считите пожалуйста всего этого за...

Вашъ И. Гончаровъ.

1 Апрѣля 1858 года.

Самому мнѣ некогда отлучиться и послать тоже некого: боюсь воровъ. Отъ того я и прошу Васъ самихъ сообщить съ Влад. Павл.

№ 4.

Тургеневъ, опираясь на общее расположеніе къ нему нѣкоторыхъ лицъ извѣстнаго кружка, настаиваетъ на объясненіи, съ тѣмъ чтобы конечно пустить въ меня громы. Съ нимъ будетъ Анненковъ [П. В.], потомъ Дружининъ [А. В.], Дудышкинъ [С. С.]²⁾; хотѣлъ онъ еще нагнать народу, но я не вижу въ этомъ надобности и потому устраняю; онъ хочетъ сдѣлать торжество свое подлѣе и такъ какъ юридически дѣла рѣшить нельзя, то онъ конечно и выиграетъ.

Васъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, я прошу присутствовать при этомъ разговорѣ не въ качествѣ свидѣтеля, потому что Вы мало знаете сюжетъ моей программы, а просто въ качествѣ лица, искренно ко мнѣ расположеннаго.

¹⁾ Наставникъ Наслѣдника Вел. Кн. Николая Александровича, въ то же время членъ главнаго правленія училищъ въ м-вѣ народн. просв. впоследствии членъ гос. совѣта.

²⁾ Извѣстные литературные дѣятели.

чтобы мнѣ было не совсѣмъ неловко быть и говорить. И потому прошу Васъ пожаловать завтра во Вторникъ утромъ *въ часъ* ко мнѣ—(какъ будто на выносъ и отпѣваніе, если не тѣла, то моего духа), чѣмъ много обяжете преданнаго Вамъ

И. Гончарова ¹⁾.

28 Марта [1860 г.].

№ 5.

6 мая [г.?]]

Мой поваръ заболѣлъ и я питаюсь сегодня крупицами отъ трапезы старыхъ друзей, поэтому, нашу скромную бесѣду, достояннѣйшій Александръ Васильевичъ, позвольте отложить до слѣдующей недѣли, а когда—о томъ забѣгу сказать лично:—надѣюсь, недолго мы заставимъ ждать нашу бутылочку рейнвейна, потому что повара никогда долго не болѣютъ: этой прихоти имъ по штату не полагается.

Вчера я былъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ: тамъ хорошо, спѣшите туда.

Кажется, я доброму и сострадательному вниманію Казиміры Казиміровны обязанъ рецептомъ, присланнымъ мнѣ неизвѣстнымъ мнѣ, но не менѣе отъ того любезнымъ врачомъ Вальцомъ ²⁾, по какому рецепту я съ успѣхомъ лечусь отъ нестерпимой боли. Кстати и поваръ занемогъ: я бы не могъ выпить ни капли вина и находился бы въ гнусномъ положеніи—завидовать въ этомъ лучшему изъ друзей.

¹⁾ Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Гончарова и Тургенева подробно разобранъ въ превосходной монографіи Евг. Ляцкаго—„Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество“—въ XVIII, XIX и XX главахъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. 1912 г. Третьейскаго суда, состоявшагося по требованію Тургенева, происходившаго 29 марта 1860 г. въ квартирѣ Гончарова; свидѣнія о немъ можно найти въ извѣстныхъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ П. Анненкова (стр. 520--521) и его же—„Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“ въ „Вѣстн. Европы“, 1886, мартъ, стр. 39. Описание суда и рѣшеніе приглашенныхъ экспертовъ воспроизведены въ упомянутой работѣ Ляцкаго (стр. 134—135). Нѣкоторыя данныя о столкновеніи обоихъ писателей имѣются у Д. Майкова: „Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 г.г.“. „Русск. Старина“, 1900 г., № 1. Новый матеріалъ къ этому же вопросу имѣется въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“, подъ редакціей М. Лемке, послѣдній, IV („гончаровскій“) томъ вышелъ въ 1912 году.

²⁾ Докторъ, постоянно лѣчившій А. В. Никитенко.

Сегодня метутъ, скребутъ, моютъ мою квартиру и извергаютъ изъ нея всякія пакости: на этомъ основаніи извергнуты мною и два препровождаемые при семь тома.

Другую пакость, т: е: другіе, нынѣ вновь выходящіе мои собственные томы не извергаются изъ моей квартиры въ Вашу только потому, что ихъ еще нѣтъ; сегодня принесутъ и изверженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Вамъ послѣдуетъ немедленно.

Кланяюсь Вамъ, Вашимъ и много благодарю Казимиру Казиміровну.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 6.

11 Мая—Понедѣл. [г.?)

Моя лѣтняя кампанія открывається, любезный другъ Александръ Васильевичъ, и я въ эту минуту уныло, но величественно слѣдую по Владимірской и Загородному проспекту—привѣтствую Васъ этимъ письменнымъ прощаніемъ.

Не гнѣвайтесь за личную мою неявку на вышину Фридрихсова ¹⁾ дома: въ ней нѣтъ никакой гнусности, а есть только старость, усталость и болѣзнь, боюсь—неизлечимая. Я душевно боленъ, а этимъ можно болѣть и при толстомъ брюхѣ. Вы правильно, при встрѣчѣ со мной на улицѣ, изрекли, что „человѣкъ иногда нуждается быть одинъ“. Боюсь только, чтобъ это *иногда* не превратилось у меня въ *всегда*—т: е: боюсь, вылечусь ли я отъ ипохондріи. Воды, воздухъ, тепло и перемѣна мѣстъ—все это конечно хорошія средства: и еслибы къ этому еще прибавить хорошія обстоятельства, то и можно бы починить, не только тѣло, но и душу, и обрѣсти необходимый для нея миръ.

Я направляюсь въ Маріенбадъ—оттуда и самъ не знаю, куда. Это еще въ туманѣ для меня: поѣду ли въ Вѣну и Венецію, какъ хотѣлось бы, а оттуда въ Миланъ, Швейцарію и въ Булонь, или же скромно прожить въ Германіи—не знаю. Увижу какъ расположатся обстоятельства.

Во всякомъ случаѣ я дамъ Вамъ о себѣ вѣсть, а Вы не поскучайте отвѣтить на мой голосъ.

Если мнѣ не удастся починить душу, то я такъ и останусь у себя дома, какъ въ гробу. никуда не пойду. А если солнце,

¹⁾ Никитенко въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій жилъ въ домѣ барона Фредерикса, на Владимірской улицѣ.

луна и звѣзды улыбнутся мнѣ, я тотчасъ приду къ Вамъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени Вы съ подъ-облачныхъ высотъ баронскаго дома переселитесь долу, въ тѣ слои, гдѣ витають земные жители: я вѣрю въ это переселеніе. Прощайте, любезный другъ, до свиданія. Поручаю себя всего старой нашей дружбѣ, вашей добротѣ, правдѣ и другимъ хорошимъ качествамъ, за которыя я Васъ, какъ и многіе другіе, давно полюбилъ и не разлюбилъ. Не разлюбляйте же и Вы меня, а всяко охраняйте, какъ эгидою, Вашимъ умомъ, словомъ и дѣломъ противъ всякаго зла и пакости. И я стану дѣлать тоже съ Вами.

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 7 ¹⁾.

[1860 г. ?]

Извините меня пожалуйста, что я распечаталъ телеграмму Марковскаго: мнѣ очень хотѣлось узнать, тамъ ли Вальтеръ ²⁾ и по этому извѣстію утѣшать себя надеждою на скорое свиданіе съ Вами въ Дрезденѣ; потомъ я ждалъ, не дастъ ли Марковскій мнѣ знать въ депешѣ о томъ, оставлена ли мнѣ комната въ отели Франкфуртъ. Я сейчасъ уѣзжаю. До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

№ 8.

Маріенбадъ. 17 (29) Іюня 1860.

Вотъ я и на мѣстѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, о чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Добрался я однакожь сюда только на третій день, потому что прозѣвалъ, или лучше сказать проспалъ раннюю почту и ночевалъ въ Плауэнѣ, а на другой день въ Франценсбадѣ. Здѣсь меня приняли, какъ земляка: куда ни приду, встрѣчаю улыбки и поклоны, а одна дѣвочка такъ обрадовалась, увидя меня въ третій разъ здѣсь, что бросилась и поцаловала у меня руку, прежде нежели я успѣлъ ей помѣшать. Всѣ эти ласки не помѣшали однакоже моей хозяйкѣ содрать съ меня 40 талеровъ въ мѣсяцъ, за двѣ комнатки съ балкономъ на сады. Въ первый же день меня привѣтствовали

¹⁾ Письмо написано карандашомъ.

²⁾ Популярный въ то время въ Дрезденѣ врачъ; лечилъ также и Никитевка.

двѣ грозы, одна утромъ, другая ночью: я вспомнилъ о Софѣ Александровнѣ¹⁾, да и мнѣ самому, точно также какъ и никому не могло бы быть пріятно это раскачиванье деревьевъ, огненные змѣи и перебаты грома въ горахъ. Вчера пріѣхали сюда нѣкоторый мужъ и нѣкоторая жена, которыхъ гроза застала въ дорогѣ; въ десяти шагахъ отъ нихъ молнія раздробила дерево, лошади ихъ испугались и понесли; къ счастью, кучеръ успѣлъ направить ихъ въ какія-то ворота. Нѣтъ, не вѣрю я охотникамъ до грозы и прочихъ подобныхъ безпорядковъ природы. Всѣ эти „труссы, потоппы и глады“, особенно глады—не по натурѣ человѣку.

Я принялся было сегодня за свои тетради и началъ бойко читать, но потомъ усталъ и бросилъ. Нѣтъ, видно судьба вырвала перо у меня изъ рукъ: можетъ быть и за дѣло. Зачѣмъ небрежно обращался съ нимъ, забывалъ его для праздности, лѣни и безумнаго ублаженія гнуснаго тѣла (рубашки составляютъ исключеніе: это благороднѣйшее изъ всѣхъ чувственныхъ ублаженій). Однакожъ завтра попробую приняться опять, не смотря на то, что чувствую великій холодъ и заустѣніе въ себѣ. Докторъ нашелъ, что у меня не столько печень болитъ, сколько нервная система раздражена, и потому совѣтуетъ взять здѣсь только 4-хъ недѣльный курсъ, а потомъ отправиться въ Вильдбадъ—успокоить нервы, а затѣмъ къ морю—укрѣпить ихъ. Но перваго мнѣ не хочется дѣлать: куда еще таскаться по водамъ? Петербургскаго геморроя и естественнаго наступленія старости не вылечишь, а только даромъ потеряешь время и деньги.

Здѣсь я нашелъ человѣкъ восемь Русскихъ, между прочимъ Обручева, [Н. Н.]²⁾ бывшаго редактора Военнаго Сборника. Одинъ изъ русскихъ рассказываетъ, что Бельгійскій король предлагаетъ будто бы Франціи и Англіи отдать первой Бельгію, а себѣ взять у Австріи Венгрію, что ему было бы съ руки, такъ какъ онъ родомъ якобы изъ Венгріи и владѣетъ тамъ большими помѣстьями, далѣе, что Пруссія уступитъ свои Рейн-

¹⁾ Дочь А. В. Никитенка, очень близкая П. А.—чу и искренно ему преданная; иногда по его порученію приводила въ порядокъ рукописи, напр., первую половину „Обрыва“. См. въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“. Подъ редакціей М. Лемке. IV томъ. 1912 г. Письмо Г—а къ Ст—у отъ 30 мая 1869 г., а также въ настоящей перепискѣ письмо № 11. Письма Г. къ ней напечатаны тамъ же.

²⁾ Извѣстный военный дѣятель, въ то время профессоръ военной статистики въ академіи генеральнаго штаба, впоследствии начальникъ главнаго штаба и членъ госуд. совѣта.

скія провинціи Франціи, а Франція поможетъ ей завладѣть разною Германскою мелочью, маркграфствами, ландграфствами и герцогствами, которыя будто бы давно уже просили прусскаго короля взять ихъ подъ свою крѣпкую руку. Объ этомъ, слышь, будетъ рѣчь на свиданіи въ Баденъ - Баденѣ. Не знаю, гдѣ тутъ правда: эта политика что-то отзывается Тамбовомъ. Но Баденское свиданіе сдѣлало однако то, что курсъ на наши деньги упалъ здѣсь, ибо всѣ надѣются, что свиданіе устранить всякія поползновенія къ войнѣ и миръ нарушенъ не будетъ ¹⁾.

¹⁾ Въ журналѣ „Искра“ 1860 г. № 19 (Мая 20) напечатаны стихи, которые считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь полностью:

ПАРНАССКІЙ ПРИГОВОРЪ.

Шумъ, волненье на Парнасѣ;
 На Парнасѣ всѣ въ тревогѣ,
 И смущенные, толпами,
 На совѣтъ собрались боги.
 Съ горъ заоблачнаго Пинда
 И съ вершины Геликона
 Боги мчатся въ колесницахъ,
 По призыву Аполлона.
 Для чего жъ боговъ собранье
 На заоблачномъ Парнасѣ?
 Кто сей смертный, съ тусклымъ взглядомъ,
 Прилетѣвшій на Пегасѣ?
 Кто онъ,—вялый и лѣнивый,
 Неподвижный, какъ Обломовъ,
 Сталъ безмолвно и угрюмо,
 Окруженный тучей гномовъ?..
 И божественные гости
 Полукругомъ ставъ у трона,
 Съ нетерпѣньемъ ждали рѣчи
 Отъ красавца Аполлона.
 И сказалъ онъ:—„Смертный! молви:
 У боговъ чего ты просишь?
 На землѣ своей далекой
 Ты какое званье носишь?“
 И отвѣтилъ смертный: „Русскій
 Я писатель! На собрата
 Приношу доносъ вамъ, боги,
 И молю васъ—въ наказаніе
 Съ обвиненнымъ будьте строги.
 Онъ, какъ я, писатель старый,
 Издавъ онъ романъ недавно,
 Гдѣ сюжетъ и планъ рассказа
 У меня укралъ безславно...“

Сегодня получилъ я изъ Петерб. письмо съ приложеніемъ стиховъ, напечатанныхъ въ Искрѣ о нашемъ спорѣ съ Тургеневымъ: ничего, такъ себѣ: можно бы написать забавнѣе.

Прощайте. Свидѣт. усердное почтеніе Казимірѣ Казиміровнѣ.

Весь Вашъ

Ив. Гончаровъ.

Дайте о себѣ вѣсточку. Вотъ мой адресъ, если Вы забыли:

Boemen. *Marienbad*, poste restante.

An den Herrn Johann von Gontcharoff.

У меня—герой въ чухоткѣ,
У него—портретъ того же;
У меня—Елена имя;
У него—Елена то же.
У него всѣ лица также,
Какъ въ моемъ романѣ, ходятъ.
Пьютъ, болтаютъ, спятъ и любятъ...
Наглость эта превосходитъ
Мѣры всякія... Вы, боги,
Справедливо были вѣчно.
И за это преступленье
Вы накажете, конечно.
Смертный смолкъ... Вотъ спорятъ боги,
Шумъ и говоръ окрестъ трона,
Наконецъ громовой голосъ
Раздается Аполлона:
—„Мы, съ сестрой своей Минервой,
Такъ рѣшили, смертный! Право
Твое дѣло и наказанъ
Будетъ недругъ твой лукавый.
И за то онъ, нашей властью,
На театрѣ будетъ вскорѣ
Роль купца играть нѣмую
Безсловесно, въ Рѣвизорѣ.
Ты же,—такъ какъ для романа
У тебя нѣтъ вновь сюжета,—
На казенный счетъ поѣдешь
Путешествовать вкругъ свѣта.
Вѣрно лучшее творенье
Ты напишешь на дорогѣ.
Такъ рѣшаемъ на Парнаскѣ
Я, Минерва и всѣ боги.

Обличительный Поэтъ.

№ 9.

Маріенбадъ 20 Іюня (2 Іюля) 1860.

Почтенный другъ и глава нашей странствующей дружеской колоніи!

Письмо я Ваше получилъ и какъ говорятъ мои пріятели японцы, *хорошо понялъ*. Не сокрушаюсь о Вашихъ стонахъ и жалобахъ, вымогаемыхъ изъ Васъ претерпѣваемыми на водахъ бѣдствіями, какъ то „питьемъ вонючей жидкости, ваннами“ и т. п. частію по гнусному эгоизму, ибо претерпѣваю тоже самъ, частію потому, что маріенбадская вода—не вонючая, но все же нельзя и наслаждаться ею, ибо выпить натошакъ, да еще въ 6 часовъ утра, четыре стакана чего-то въ родѣ сыраго, неудавшагося квасу... не большое наслажденіе. Валятся въ ваннахъ изъ грязи по 20 минутъ и отъ скуки ноглаживаютъ собственное свое, въ грязи измаранное и отъ этого—дѣйствительно *мусное тѣло*, да, для развлеченія вытаскивать изъ подъ себя камешки, прутики и набравшіяся въ ванны—щечочки—не Богъ знаетъ какая отрада!

Но все это я совершаю твердо, привычной рукой и вольнымъ духомъ...

Здѣсь тоже много народу—Русскихъ, къ счастью, мало и я знакомъ съ немногими. Но здѣсь дожди и холода кладутъ печать скуки и унынія, по крайней мѣрѣ, на меня, такъ что я съ наслажденіемъ вспоминаю о Васъ обоихъ и такъ сказать—почти о новыхъ, но драгоценныхъ юныхъ друзьяхъ, Вашихъ дщеряхъ, также и о непроходимѣйшемъ, безпримѣрнѣйшемъ шалуницѣ¹⁾, о нашихъ чаяхъ и хожденіяхъ—съ вами для удовлетворенія потребности покупать, а съ ними, для бесѣды и для упражненія ногъ.

Спасибо за вопросъ о моихъ замыслахъ и объ участіи въ нихъ, участіи тройномъ: друга, литератора, профессора литературы и четвертомъ наконецъ—академика. Коротко скажу,—я пишу и листовъ 16 напясано, но, пишу или пою по выраженію Шиллера, какъ *поютъ птицы* т. е. какъ будто безъ цѣли, а наслаждаюсь только своею способностью пѣть, ибо что ни запою, выходитъ мотивъ, трель, колѣно, но выйдетъ ли пѣсня, кончу ли ее—едва-ли: тутъ уже и начинаются Гамлетовскія сомнѣнія. Являются на сцену лица, фигуры, картины, но сгруп-

¹⁾ Говорится о сынѣ А. В.—Сашѣ.

пировать ихъ, найти смыслъ, связь, цѣль—этой рисовки—не умѣю, не могу; *нѣтъ необходимости*, по которой долженъ создаваться и ею проникаться и скрѣпляться весь романъ т: е! она у меня есть въ головѣ, но не выражается, а не выражается отъ того, что неуловима, почти недоступна выраженію, образу. Помните, я въ Петерб. у меня на квартирѣ читалъ Вамъ изъ программы данныя, элементы, изъ которыхъ задумана личность героя художника? Ну, вотъ, передъ созданиемъ его—я останавливаюсь въ недоумѣніи и приостановился работать. Это не созрѣло, не уяснилось передо мной—и герой еще не приходитъ, не является. Только вчера напалъ я на слѣдъ смѣлаго и оригинальнаго способа и теперь пытаю и думаю надъ нимъ: это или вздоръ, нелѣпость, или единственный путь разрѣшить задачу.

Не знаю, что будетъ. Но какъ трудно—не рисовать, нѣтъ, это легко, а вести рисовку къ центру, къ цѣли, осмысливать ее. Въ слѣдствіе этого является то бодрость, то уныніе.—Я отписалъ о началѣ своего труда къ Вашимъ, такъ какъ онѣ принимаютъ живое, дружеское участие въ этомъ, но боюсь не напрасно-ли подалъ на себя надежду.

Онѣ будутъ считать меня путнымъ человѣкомъ твердо идущимъ къ цѣли, а я вдругъ окажусь несостоятельнымъ: Боже ты мой, сколько прибавится къ насмѣшкамъ надъ моею лѣнью и прожорливостью, другихъ, болѣе ядовитыхъ жалъ! Постараюсь продолжать, если не покинетъ охота!

Я останусь здѣсь числа до 10-го Іюля нашего стilia, а тамъ попробую до конца Іюля пописать въ Дрезденѣ, чтобы къ 1-му Августу быть въ Парижѣ и Булони. Вотъ мой планъ, другого пока нѣтъ, да если я буду продолжать писать, то другого плана мнѣ и нельзя принять, ибо всякій другой помѣшаетъ мнѣ. Лечение мое конечно отъ писанья много терпитъ, но я бы помирился съ этимъ, еслибъ удалось второе, но если не удастся ни первое, ни второе, тогда пожалѣю о потерянномъ времени, трудахъ и издержкахъ.

Вы пишете, что у Васъ тамъ собраніе желтыхъ, блѣдныхъ, страдальческихъ фигуръ¹⁾; здѣсь такъ напротивъ. Больные—всѣ такіе, Богъ съ ними, здоровенькіе, всѣ „поперекъ себя толще“—у кого подбородокъ до брюха, а брюхо до земли, у кого

¹⁾ Никитенко въ это время былъ въ Киссингенѣ. Его „Записки и дневникъ“. Т. I, 594—596.

руки и ноги отекли: все обжоры, ублажатели гнуснаго тѣла; я—изъ самыхъ тонкихъ здѣсь.

Прощайте—мое дружеское почтеніе Казиміръ Казиміровичъ,

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 10.

28 Іюня (10 Іюля) 1860. Мариенбадъ.

Сей часъ получилъ Ваше письмо и сей часъ же отвѣчаю, любезный другъ Александръ Васильевичъ. Погода сыграла и здѣсь ту же роль, какъ у Васъ, а въ Петербургѣ, пишутъ мнѣ, были жары! Вотъ подите же: если мы, люди, живемъ въ противорѣчійхъ, боремся съ ними и въ этомъ проводимъ жизнь, такъ это потому, думалъ я, что не умѣемъ, не устроились, не распорядились. А природа физическая? вѣдь ея законы подлежатъ не произволу страстей, глупости и невѣжества, а постояннымъ мудрымъ законамъ? Что же это такое? За неумѣнемъ рѣшить этого вопроса приходится и эту загадку природы взять на себя бѣдному человѣку, т: е: признать закономъ эту несообразность погоды и сознаться въ неумѣніи рѣшить ее: это, кажется, будетъ самое умное.

Пишу Вамъ изнеможенною отъ писанья рукой: пишу, пишу—не въ смыслѣ творю, а пишу—сочиняю, т: е: мараю бумагу и не сомнѣваюсь болѣе, а отчаяваюсь въ томъ, что это мое писанье—ни на что не пригодно. Какъ ни утѣшайте, а планъ былъ не выясненъ, не продуманъ и герой—безъ лица и образа. Еслибъ можно было начать снова, то вышло бы что нибудь, но начать! Это, если не физически, то морально невозможно!

Мое леченье (съ грѣхомъ пополамъ, или лучше съ грѣхами: одинъ грѣхъ—холодная, осенняя погода, другой—неистовое сидѣнье и писанье) идетъ къ концу, т: е: я переваливаюсь на пятую недѣлю и въ Понедѣльникъ или во Вторникъ т: е: 5 или 6-ю Іюля нашего стilia *надѣюсь быть въ Дрезденъ*. Хотя источникомъ Вашего предполагаемаго туда возвращенія—неудобство и нѣкоторое разстройство вашего плана, но я, по гнусности эгоизма, этимъ не недоволенъ, ибо, за долговременное пребываніе въ одиночествѣ и неумѣренное писанье, считаю себя въ правѣ мечтать о вознагражденіи бесѣды среди Васъ всѣхъ, хожденія по лавочкамъ, блаженнаго состоянія милой праздности и *покупокъ* разныхъ предметовъ вообще, сигаръ въ

особенности, и между прочихъ и рубашекъ, въ нихъ чувствую крайнюю потребность.

А тамъ въ перспективѣ улыбается мнѣ совокупная съ Вами поѣздка въ Булонь: и какъ мы Парижъ уже видѣли оба, то не направимъ ли путь на Брюссель, коего не видали? Не съѣздимъ ли до тѣхъ поръ въ Веймаръ, или иное нѣмецкое затишье—(если поѣздка въ Швейцарію не окажется необходимою) или не предпримемъ ли чего иного, но во всякомъ случаѣ есть надежда быть вкупѣ.

Сюда наѣзжаетъ много Русскихъ и почти всѣ дѣлаютъ мнѣ честь желать со мною познакомиться: можете себѣ представить, какъ это, по моему характеру, веселитъ меня! Вотъ уже я познакомился съ одной княгиней, съ двумя князьями, съ двумя начальницами институтовъ, и отъ того меньше хожу, меньше пишу, даже, отъ тоски, меньше ѣмъ и сплю.

Здѣсь стала погода поправляться, хотя въ эту минуту идетъ дождь, сопровождаемый отчасти грозю. Но хоть не холодно по крайней мѣрѣ: и то хорошо!—Вы совершенно совпали съ моимъ настроеніемъ, рѣшивъ отыскивать утѣшенія и отвѣта на тоскливые вопросы въ себѣ и въ тѣхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, которыми кое-какъ держишься въ жизни—такъ, такъ мудрый другъ мой—а прочее, что не поддается этимъ убѣжденіямъ, что противится и идетъ иначе, сочтемъ aberrациями, которымъ подлежатъ и звѣзды, не только мы и жизнь наша, съ ея паденіями, торжествами, съ ея печальнымъ весельемъ и невеселыми печалями.

Итакъ, можетъ быть, скоро опять сойдемся мы въ Прагеръ-штрассе ¹⁾, за чайнымъ столомъ, съ булками, сладкими пирогами, съ телятиной, но безъ ветчины и колбасъ—до времени.

Прощайте, не пишите мнѣ болѣе сюда, а въ Дрезденъ, въ Hôtel Frankfurt, а лучше приѣзжайте сами. Жму Вашу и цалую Казиміры Казимі[ровны]—руку.

Вашъ Н. Гончаровъ.

№ 11.

18 (30) Іюля 1860. Дрезденъ.

Что за немилость, что за вѣтренность, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ? Польстили было Вы надеждою при-

¹⁾ Въ Дрезденѣ. Съ 16 по 31 Мая этого года Никитенко былъ вмѣстѣ съ И. А. въ Дрезденѣ, послѣ чего Г. направился въ Мариенбадъ, а Н. съ женою въ Киссингенъ. См. Никитенко. Зап. и дни.

ѣхать въ Дрезденъ, отдохнуть въ Пражской улицѣ—и обманули! А я льстилъ себя надеждою увлечься за Вами въ Швейцарію и объѣхать Женевское озеро вокругъ и потомъ направиться вмѣстѣ въ Парижъ и Булонь. А Вы измѣнили и этому плану и избираете Трувиль! Но въ Трувилѣ, какъ мнѣ сказали, надо ѣздить къ морю въ одной, со многими купальщиками, телѣгѣ, тогда какъ въ Булони каждый идетъ самъ по себѣ и раздѣвается въ особой будкѣ; женатымъ же людямъ предоставляется купаться вмѣстѣ съ женами и слѣдовательно съ прочими женщинами, но только въ нарочито устраиваемомъ для того костюмѣ, легкомъ, бумажномъ, тутъ же на берегу продаваемомъ. А мужчины купаются между собой въ одной повязкѣ, въ какой дѣти играютъ въ жмурки. Я уже подговорилъ ѣхать туда Ковалевскаго съ женой, племянника министра ¹⁾. Тѣмъ наипаче любо бы было мнѣ блуждать съ Вами по берегу океана и бесѣдовать. Мы иногда подолгу молчимъ съ Вами, но молчаніе это есть ничто иное, какъ постоянная бесѣда, въ которой оба другъ друга понимаютъ, оба задумываются или лѣнятся говорить и оба безъ словъ знаютъ, что сказалось бы въ ту или другую минуту. Зато когда вдругъ прорвется, то отводишь душу вполнѣ. И Вы вдругъ взяли все, да и испортили! Не рѣзвитесь, почтенный другъ, и не вѣтренничайте: Трувиль—мѣсто модное, гдѣ собираются и купаются обезьяны изъ большого свѣта и гдѣ нѣтъ отдыха и пріюта нормально устроенному человѣку. Ужъ не умыслили ли Вы, тайкомъ отъ остальной странствующей колоніи, совершить надъ собою какую-либо метаморфозу, какъ-то облечься въ тонко-волокнистую рубашку и лазить въ море, въ толпѣ львовъ и львицъ, не иначе какъ въ бѣлыхъ перчаткахъ?

Не увижу ли я Васъ хоть въ Парижѣ, куда я вѣроятно обрѣтусь съ 22 нашего Іюля и пребуду, я думаю, до 28-го, а къ 1-му Августу надѣюсь уже быть въ Булони. Въ Булони есть и рѣка, гдѣ стоятъ всѣ пароходы и суда, а это предалеко отъ купанья; въ Булони песокъ, а не камень и кромѣ того онъ или она (Булонь) избыточествуетъ всевозможными магазинами, слѣдовательно можно ежедневно, въ виду угрюмаго океана, предаваться удовольствію—покупать! Остановлюсь я въ

¹⁾ народнаго просвѣщенія, Евграфа Петр. Ковалевскаго. Вѣроятно, П. М. Ковалевскій, забытый, но интересный писатель, яркія и остроумныя воспоминанія котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ печатались въ „Русск. Стар.“ Въ 1912 г. вышло отдѣльнымъ изданіемъ собраніе его стиховъ и воспоминаній.

Парижъ тамъже, гдѣ Вы однажды уже обрѣли меня, т. е. въ rue du Helder, № 16, hôtel du Brézie. А если тамъ не случилось бы комнаты, то оставляю тамъ адресъ.

Здѣсь я живу около двухъ недѣль—Ваши всѣ въ вождѣльномъ здравіи; раза два впрочемъ у Екатерины Алекс.[андровны] болѣла голова. Сколько Софья Алекс.[андровна] ¹⁾ задумчива и молчалива, столько же Сашенька ²⁾ сталъ говорливъ и юрокъ. Этотъ безпримѣрнѣйшій, безпощаднѣйшій и непроходимѣйшій шалунище приводитъ въ трепеть Дрезденъ: матери, завидя его, со страхомъ уводятъ дѣтей, а купцы запираютъ лавки; кого за руку схватить—рука прочь, за ногу—нога и т. д., даже дошелъ до того, что, о ужасъ! разбилъ графинь. Онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, весьма радъ моему пріѣзду и между прочимъ потому, что я по утрамъ беру его съ собой въ манежъ и когда кончу свой часъ, его берейторъ сажаетъ на лошадь и ведетъ, я иду рядомъ и онъ воображаетъ, что онъ „ѣдетъ“.

Когда же берейторъ побѣжитъ и потащитъ за собой лошадь въ припрыжку, шалунище, дотолѣ безмолвный, вдругъ находитъ въ себѣ рѣчь, да еще нѣмецкую и въ оной рѣчи кричитъ: „довольно, довольно! не скоро!“ и по-русски прибавляетъ, что у него сердце „замерзаетъ“, когда лошадь пойдетъ *трусой*. По случаю питыхъ Екатериною Алекс[андровною] и мною водъ—наши чайныя трапезы проходятъ скромно безъ колбасъ и ветчинъ, а больше съ молокомъ и яйцами; но зато пирожнаго... Мы съ Сашей просто—велики затрапезой и соревнованію нашему нѣтъ конца, какъ ни ядовито улыбается Софья Алекс[андровна]! „Превосходно, отлично, чудесный пирогъ“ говоритъ въ восторгъ Саша, и иногда прибавляетъ: „прелестнѣйшій Иванъ Ал[ександровичъ]“.

Обѣ барышни облагодѣтельствовали меня, переписавъ написанное мною въ Мариенбадѣ, а я взялъ да и употребилъ ихъ доброту во зло, написавъ еще тетрадку уже здѣсь; они взяли на себя и ту перебѣлить. Затрудняюсь благодарить ихъ и за это и за всегда ласковый, какъ къ брату, пріемъ и за всю ихъ дружбу, которую Вы, должно быть, оба передали имъ.

Не хочу вѣрить, что до Петербурга не увижусь съ Вами и еслибъ зналъ, гдѣ Васъ найти въ Парижѣ, то нашелъ бы. На случай найду въ rue Vivienne, въ ту отель, гдѣ Вы останавливались, лишь только пріѣду; а Вы зайдите въ указанную

¹⁾ Дочери А. В.

²⁾ Сынъ А. В.

выше. Да не остановитесь ли и Вы въ ней? А если мѣста не будетъ, то въ той же улицѣ du Helder есть hôtel Richemont: гдѣ и хорошо, и дешево, и близко отъ бульвара.

Всегда и всюду Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 12.

Дрезденъ, 27 Августа (8 сентября) [1860 г.].

Вчера я прикатилъ по поспѣшному поѣзду съ Яковомъ Карл. [овичемъ]¹⁾ въ Дрезденъ, пробывъ два съ половиною дня въ Парижѣ и вчера же узрѣлъ Вашихъ въ вождѣлѣнномъ здоровьѣ и спокойствіи, ожидающихъ Васъ. Я вручилъ имъ 3 золотыхъ монеты, въ коихъ, сколько я могъ замѣтить, онѣ нуждались, ибо, взявъ ихъ, воскликнули: „теперь мы опять богаты“. Хозяйскими деньгами онѣ воспользоваться не могли, ибо должны были заплатить хозяйкѣ 1-го Августа за Сентябрь, а далѣе за Октябрь, имъ денегъ оставлено Вами не было. Очень можетъ быть, что имъ понадобится немного и еще (я впрочемъ навѣрное не знаю), то я предложу имъ своихъ, но онѣ такъ деликатны, что, пожалуй, моимъ предложеніемъ не воспользуются, въ такомъ случаѣ, въ первомъ Вашемъ письмѣ, уполномочьте ихъ или предпишите имъ взять у меня, а меня онѣ не послушаютъ.

Главная цѣль этого моего письма—поздравить Васъ, почтенный другъ мой, съ днемъ Вашего тезоименитства и пожалѣть, что мы всѣ не вмѣстѣ. Мы постараемся здѣсь подкрѣпить въ этотъ день особеннымъ образомъ наши силы пищею и питіемъ, а если можно, то и прогулкою, хотя на послѣднее надежды мало, ибо вчера лилъ безотрадный дождь, а сегодня пасмурно и свѣжо, такъ что Ваши скучаютъ, не только по Васъ, но даже и по Россіи. Потомъ мнѣ хочется сказать слова два о Парижѣ и объ отели, въ которой я останавливался, и въ которой вѣроятно остановитесь и Вы. Я немного наклеветалъ на нее: она, правда, смотреть не изящно, но въ ней есть порядочныя и даже немного щеголеватыя комнаты, какъ я потомъ увидѣлъ, особенно если Вамъ достанутся №№ 9 или 13: я ихъ видѣлъ, они даже съ нѣкоторыми претензіями на роскошь. Вы только дня за два напишите.

¹⁾ Гротомъ, извѣстнымъ ученымъ.

A Madame Maugée, rue de Richelieu, 22. Paris.

А я ей далъ Ваше имя и она будетъ ждать. Я уже писалъ Вамъ, что она поможетъ Казиміръ Казиміровичъ во всѣхъ ея покупкахъ и много сэкономитъ времени и денегъ.

Отъ этой отели ровно пять шаговъ до двери Палерояля: изъ задней двери отели Вы, мимо 23 номера какого-то магазина, очутитесь въ одной изъ галлерей Палерояля, гдѣ между прочимъ въ одномъ изъ *пятидесятихъ номеровъ* есть табачная лавка: тамъ можно купить менѣе скверныхъ сигаръ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Еще есть въ улицѣ St.-Hippolyte, противъ Палерояля и близехонько отъ отели табачный магазинъ à la Civette (M-me Maugée покажетъ), тамъ продаются наименѣе скверныя сигары, но не по мелочи, а не менѣе 25 штукъ (тѣ что я вамъ оставилъ, уѣзжая).

Теперь скажу Вамъ кое-что о пути отъ Парижа до Дрездена. Сдѣлайте, какъ я совѣтовалъ т. е: возьмите билеты до самаго Дрездена и поклажу тоже отдайте до-туда же: Вамъ въ Кёльнѣ придется только ее показать въ Таможнѣ; но тамъ это дѣлаютъ въ одну минуту. На Бельгійской границѣ у Васъ отберутъ даже и sac-de voyage и отдадутъ въ Кёльнѣ. Одинъ, самый поспѣшный поѣздъ идетъ изъ Парижа *въ 7 часовъ утра*, привѣзжаетъ въ Кёльнѣ въ половинѣ седьмого вечеромъ, а *въ четверть осьмаю* идетъ далѣе всю ночь и утромъ въ половинѣ двѣнадцатаго приходитъ въ Дрезденъ. Въ Магдебургѣ надо перемѣнить вагоны.

Билеты въ Парижѣ до Дрездена стоятъ: 1-го класса *147 франковъ*, кромѣ багажа (за багажъ немного), а другіе билеты, называемые mixtes т. е. смѣшанные (до Кёльна 1-го класса, а отъ Кёльна до Дрездена 2-го) стоятъ 122 франка съ челобѣка. Но это уже не такъ покойно, потому что въ 1-мъ классѣ можно надѣяться ѣхать по Германіи однимъ и слѣдовательно спать.

Второй поѣздъ идетъ изъ Парижа *вечеромъ* (кажется, *въ 8 часовъ*—навѣрное не знаю) и приходитъ въ Дрезденъ на другой день *въ часъ ночи*. Вотъ все, о чемъ мнѣ хотѣлось Вамъ сообщить. Гротъ черезъ день уѣзжаетъ и проситъ Вамъ поклониться. Онъ ѣдетъ черезъ Кенигсбергъ и Тильзитъ, потомъ водой до Ковно по Нѣману, а въ Ковно въ мальпость. Я прошу его написать мнѣ изъ Ковно, каковъ этотъ путь и не лучше ли ѣхать такъ, чтобъ избѣжать Варшавы и свиданія съ.....

До свиданія—всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Изъ Вашего письма, полученнаго вчера при мнѣ, Екатерина Алекс.[андровна] прочла, что Вы дали себѣ еще день *отдыха*: несчастный трусливый другъ! за чѣмъ украли у себя золотникъ здоровья! А каково теперь море: кланяйтесь ему!

Кланяюсь Вамъ усердно Казимира Казимировна и прошу поклониться хозяевамъ.

№ 13.

[1861 г.].

Не хотите ли, вселюбезный и привередливый другъ, пожаловать завтра (въ Четвергъ) въ половинѣ пятаго на Стекланый Заводъ и не принесете ли, кромѣ своего собственнаго, еще и аппетитъ Саша, ибо будетъ всепреждевѣнно *борщъ*, съ участіемъ малороссійскихъ сосисокъ, утки и проч.?

Кромѣ борща, будутъ Ник. Петровичъ Боткинъ и Ребиндеръ [Н. Р.].

Мих. Алек. [Языковъ?], самъ вызвался вручить Вамъ эту записку: мы съ нимъ хозяева.

Будутъ еще Панаевъ [И. И.], Некрасовъ [Н. А.], и больше никого.

Среда.

Вашъ

Гончаровъ.

№ 14.

Понедѣльникъ. [3 Апрѣля 1861 г.].

Сегодня былъ у меня Лъховскій ¹⁾ и сказалъ, что онъ зѣло радуется нашему намѣренію быть у него во Вторникъ т. е. завтра и будетъ съ нетерпѣніемъ ждать насъ; придутъ къ нему и Майковы.

¹⁾ Возможно, что здѣсь говорится объ Ив. Ив. Л—ъ, въ 1861—1862 г.г. начальникъ типографіи морского министерства, повидимому хорошо знакомъ Майковыхъ, о чемъ можно заключить изъ свѣдѣній въ Записк. и Дневн. Никитенка, подъ датою 4 Апрѣля 1861 г. (гдѣ какъ разъ упоминается о вечерѣ, на который собирается Г.), а главнымъ образомъ изъ только-что напечатанной переписки Гончарова съ Е. В. Толстой, подъ редакціей П. Н. Сакулина, въ „Голосъ Минувшаго“, 1913 г. №№ 11 и 12. Это же лицо упоминается у Никитенка еще только одинъ разъ: „1861 г. Мая 5. Вечеромъ были Гончаровъ, Краевскій, Лъховскій и др.“. Въ Дневн. Никитенка передъ фамиліей Л—аго редакторомъ изданія г. М. Демке поставленъ инициалъ „П“.

Но Вы, не забудьте, здоровеннѣйшій и непроходимѣйшій привередникъ, что во Вторникъ же, въ 1-мъ часу мы съ Вами пойдѣмъ къ фотографу и я Васъ утромъ ожидаю къ себѣ.

Сѣверные, неувядающіе Цвѣты при семъ возвращаются въ Вашъ книжный, запущенный вертоградъ.

До свиданія

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 15.

Дрезденъ 4/16 Мая 1861 г.

О Вы, неумѣющій найти необходимое, обращающій мгновенно въ тряпье новое платье и многими подобными свойствами, преимущественно же привередничаньемъ обладающій, но мудрый мой другъ Александръ Васильевичъ! Гдѣ Вы теперь: способствуете ли къ сгущенію петербургской атмосферы, или оmyваете уже, токмо свою спину, въ волнахъ Либавскаго рейда? Гдѣ бы Вы ни были, все равно шлю Вамъ свой привѣтъ, съ глубокою завистью въ томъ, что Вы сидите лѣниво развалиясь, съ правомъ безнаказаннаго привередничанья, безъ суеты и возни съ чемоданами, безъ опасенія опоздать на желѣзную дорогу, остановиться въ скверной гостинницѣ etc, etc, все, что испытываю я, не наслаждаясь ни новизной путешествія, ни впечатлѣніями, уже притупившимися. Одно только и осталось мнѣ благо, благо заниматься покупками, чѣмъ я и пользуюсь, увы, одинъ!

На третій день въ понедѣльникъ вечеромъ, чему еще не было примѣра, примчалъ насъ Владиміръ въ устье—по мнѣнію петербургскихъ академиковъ—Эльбы, а по мнѣнію шкипера, моему и всѣхъ пассажировъ—Свине, потомъ Одера. Но ночью лоцманъ отказался ввести насъ въ рѣку и мы всетаки попали въ Штетинъ утромъ. Но конецъ концовъ, въ Среду около полудня, я былъ уже въ миломъ Дрезденѣ, въ которомъ пребываю и поднесъ, болѣе по поводу заказа—Вы догадываетесь чего: рубашекъ, пальто, лѣтней визитки и испробованья сигаръ. Послѣднія у Пейера оказались дрянью и я открылъ новый источникъ, который открою и Вамъ, какъ только мы поѣдемъ опять въ Дрезденъ вмѣстѣ.

На пароходѣ я познакомился съ Мещерскими и Карамзи-

ной ¹⁾, дѣвицей уже зрѣлой, но милой, доброй и говорливой. Они понравились бы Вамъ своей простотой, добродушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій. У нихъ дочь, лѣтъ 18, слаба грудью и ее везутъ въ Швейцарію на сыворотку, а потомъ всѣ ѣдутъ на зиму въ Мадеру.

Меня Вальтеръ ²⁾, согласно Петербургскимъ врачамъ, послалъ въ Карлсбадъ, куда я и поѣду послѣ завтра, а Васъ прошу не оставить меня грамоткой. Софья Александровна наставитъ Васъ на счетъ адреса.

Здѣсь поселяется Я. К. Гротъ, котораго я видѣлъ мелькомъ. Онъ уѣхалъ въ Саксонскую Швейцарію.

Всѣ знакомцы встрѣтили меня съ распростертыми объятіями, не исключая лодочника, перевозящаго меня въ купальню. Божественная кондитерша выходитъ замужъ за пруссака и переселяется въ Берлинъ, гдѣ открываетъ колбасное заведеніе. Вотъ Вашъ Саша порадуетъ: сколько у него въ перспективѣ ея поцѣлуевъ и колбасъ!

Здѣсь и Ильины: дочь достигла апогея своей красоты: свѣжа, здорова, въ голосѣ прибавилось нѣсколько грудныхъ нотъ. Она весела, казалъ бы игрива, да это нейдетъ къ ея росту.

Вольфсона ³⁾ я не засталъ, онъ уѣхалъ въ Франценсбадъ. Сидя на мѣстѣ я замышлялъ ѣхать и въ Швейцарію, даже въ Италію послѣ водъ, но чѣмъ ближе настаеетъ время исполнить это, тѣмъ яснѣе мнѣ хлопоты, а душа отказывается принимать впечатлѣнія и я много-много, если совершу обычный путь до Парижа и Булоня и обратно съ клятвою не показываться болѣе за границу, ибо путешествіе не окупается ничѣмъ.

Если возымѣютъ быть какія-либо новости на нашемъ политическомъ, служебномъ и прочихъ горизонтахъ, немедленно просвѣтите меня на счетъ оныхъ. Особенно увѣдомьте о томъ, когда пріѣдетъ Путятинъ, какъ вступить и что? и т. д. ⁴⁾.

Когда будете писать къ Вашимъ, не забудьте упомянуть и мое имя. Затѣмъ, любезный другъ, желаю Вамъ добраго здоровья

¹⁾ Вѣроятно семья публициста и беллетриста, кн. В. П.; писатель по матери внукъ Н. М. Карамзина.

²⁾ См. выше.

³⁾ Уроженецъ Одессы; въ 1862 г. въ Дрезденѣ началъ издавать „Russische Revue“.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о вновь назначенномъ министрѣ народнаго просвѣщенія, гр. Е. В. Путятинѣ, смѣнившемъ Е. П. Ковалевскаго.

и мужественнаго погруженія не токмо спины но и ушейъ въ либавскія волны—и остаюсь всегда неизмѣнно Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 16.

Маріенбадъ, 29 Іюня, (10 Іюля) 1861.

На крыльяхъ воображенія же спѣшу Вамъ навстрѣчу, непроходимѣйшій привередникъ, и ловлю Васъ за полу, хотя новаго, но уже измятаго пальто, на границѣ Пруссіи и Саксоніи и несмотря на толчки и щелчки, получаемые яко бы (тоже въ воображеніи) Вами по ночамъ, влеку Васъ далѣе и далѣе, на дно бездны разврата, въ самую Богемію, гдѣ курятся, хотя не менѣе Либавскихъ, скверныя сигары, но гдѣ на самой границѣ встрѣчаютъ Васъ статныя, полногрудыя, власообильныя, свѣтлоокія, непохожія на полоротыхъ саксонокъ, славянскія дѣвы, съ ужасомъ и омерзѣніемъ срываютъ съ Васъ онѣ толстую срачицу и ввергаютъ въ желѣзистыя воды цѣлительныхъ источниковъ, потомъ ведутъ на горы, показываютъ цвѣтушія долины, увеселяютъ слухъ напѣвами богемскихъ пастуховъ и т. д. и т. д. Вы тамъ наслаждаетесь видомъ не менѣе Альбы—рыжаго моря; а я купаюсь въ морѣ зелени. Милый Маріенбадъ—есть ничто иное, какъ одинъ огромный цвѣтушій садъ, паркъ, окруженный холмами, покрытыми здоровымъ, соновымъ лѣсомъ. На высотахъ разбросаны павильоны, дорожки, аллеи, лѣса—усѣяны больными, все такими Богъ съ ними, здоровенькими, изъ коихъ я наихудоощавѣйшій... Табль-д'оты обилуютъ форелями, телячьими почками, говяжьими филе и компотами: ни вина, ни пироговъ, ни иныхъ развратныхъ блюдъ нѣту. Но есть променада, съ рядами лавокъ: я, равнодушный и унылый, прохожу мимо, ибо нѣтъ около меня того сладостнаго друга, того безпощаднаго, когда надо защититъ лѣнь, діалектика и того великаго привередника, съ которымъ мы медленно и мудро обтекали Дрезденскія и Булонскія торжища, углубясь въ дѣло пріобрѣтенія сигаръ, стереоскоповъ и другихъ назидательныхъ и высокихъ предметовъ!

Карлсбадъ есть ничто иное, какъ тлетворная, глубоко—разверстая, темная пасть чудовища, на днѣ коей кипятъ и бушуютъ горячіе пары, такъ что во мнѣ шевелится догадка, не здѣсь ли были врата адовы, куда пропалъ Улиссъ, а за нимъ и Телемакъ. Я прожилъ день и бѣжалъ отъ этого тартара,

въ которомъ въ настоящую минуту поселился бывший Вельзевулъ — Клейнмихель [Ш. А.] ¹⁾. (А здѣсь теперь — Позень, [М. П.] ²⁾, тоже исчадіе ада, и вашъ другъ — поздравляю?) Я бѣжалъ сюда и живу въ зелени, проживу еще недѣли двѣ, а тамъ, а тамъ. . . міръ Божій великъ, но прогоны мои малы и потому не знаю, поѣду ли даже въ Швейцарію, ибо оттуда великъ скачокъ въ Булонь, гдѣ надлежитъ мнѣ быть. Когда рѣшу, куда ѣхать, тогда къ Вамъ и напишу на петербургскую Вашу квартиру, дамъ адресъ и попрошу утѣшить меня еще письмомъ.

Я собрался было въ Швейцарію вдвоемъ съ однимъ русскимъ, дѣйств. ст. сов... ³⁾. Онъ радовался, дѣлалъ со мной планы ѣхать на Рейнскій водопадъ, потомъ на озеро 4-хъ кантоновъ и т. д. А между тѣмъ въ три недѣли успѣлъ здѣсь влюбиться, чортъ его возьми, въ замужную женщину. И какъ любовь уѣзжаетъ въ Дрезденъ, то и влюбленный дѣйств. ст. совѣтникъ (съ краснымъ носомъ и еще болѣе таковыми щемами) стремится на этотъ чортовъ мостъ любви, гдѣ и желаю ему провалиться въ самый глубокой ледникъ.

Что мой бывший отецъ и командиръ отказался отъ предлагаемаго ему поста — это дѣлаетъ ему великую честь. Онъ добросовѣстенъ, скромнень, отътого и не принялъ дѣла, котораго бы не вынесъ на своихъ плечахъ. Онъ отъ этого выиграетъ спокойствіе, не потеряетъ своей репутаціи, другіе всѣ тоже ничего не потеряютъ, кромѣ развѣ немножко меня ⁴⁾. Но мои дѣла въ семъ мірѣ, кажется, кончены и я

¹⁾ Извѣстный государственный дѣятель, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Николая I; въ обществѣ же къ нему относились съ крайнимъ несочувствіемъ, что выразилось въ шумной радости по случаю его паденія по вступленіи на престолъ Императора Александра II.

²⁾ Еще при Николаѣ I былъ отставленъ отъ службы; на первыхъ порахъ дѣятельности Ростовцева по крестьянской реформѣ былъ къ нему близокъ и имѣлъ даже шансы быть м-ромъ финансовъ; будучи полтавскимъ помѣщикомъ, попалъ въ число членовъ-экспертовъ редакціонныхъ комиссій, гдѣ прославился энергичнымъ отстаиваніемъ помѣщичьихъ интересовъ. Ранѣе того имъ была представлена обратившая на себя вниманіе записка по крестьянскому вопросу. Зная Позена рѣзко отзывались о его нравственныхъ достоинствахъ.

³⁾ Фамилія тщательно зачеркнута.

⁴⁾ Здѣсь Г., повидимому, говоритъ о назначеніи гр. Шутятина м-ромъ народн. просвѣщенія; назначеніе это, какъ было указано выше, все же состоялось. Слова „бывшій отецъ и командиръ“ должны въ такомъ случаѣ напоминать о времени плаванія на фрегатѣ „Паллада“ (1852—1855 г.г.),

не знаю, какъ мнѣ дальше быть и чѣмъ заняться. Софья Алекс.[андровна] не хочетъ вѣрить (да и какъ ей повѣрить въ ея лѣта?) что настанетъ время, когда писать романы становится невозможно, не по лѣни или другой подобной гнусности, а просто потому, что отживешь время. Эдакъ бы Россини ¹⁾ писалъ да писалъ до сихъ поръ, а вонъ—молчать—и даже отказался, по приглашенію Англичанъ, написать какой-то маршъ. Россини! а ужъ намъ грѣшнымъ, съ нашей лимфой, апатіей, геморроями и слабенькими, блѣдными талантами—и подавно простиительно.

Прощайте, любезный другъ, сей часъ получалъ съ Рейна письмо отъ одной путешественницы: манить въ Швейцарію. Не знаю, какъ.

Обнимаю Васъ, дружески влѣваюсь Вашимъ и остаюсь, т: е: хочу остаться непремѣннымъ членомъ въ памяти Вашего сердца.

П. Гончаровъ.

Брюхо у меня меньше, но лобъ еще желтъ, а щеки зеленаты.

Я бы хотѣлъ теперь подсмотрѣть, по прошлогоднему ли Вы отдѣлываетесь діалектикой отъ купанья, едва удостоивая погружать въ море задъ? Бѣдная Софья Ал.[ександровна]! Гдѣ ей сладить съ Вами? Вамъ нужно два палача и орудіе казни, тѣлѣжку. Развѣ няня возьметъ на себя эту должность.

№ 17.

Интерлакенъ, 20 іюля (2 августа) [1861 г.]

Я не путешествую, я не лечусь, я не работаю, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, а до сихъ поръ веду рядъ безпечныхъ, почти веселыхъ, почти даже счастливыхъ дней.

когда Г. былъ командированъ для исправленія должности секретаря при упоминаемомъ Путятинѣ (вице-адмиралъ, впоследствии адмиралъ и графъ)—начальникъ экспедиціи, цѣлью которой было завязать торговныя сношенія съ Японіей. Путешествіе описано въ извѣстныхъ очеркахъ „Фрегатъ Паллада“. Надежды, высказываемыя Г-мъ въ этомъ письмѣ относительно Путятина, не оправдались и хорошій морякъ не приобрѣлъ такой же славы на посту министра народнаго просвѣщенія, пробывъ имъ очень недолго.

¹⁾ Знаменитый композиторъ, авторъ „Вильгельма Телля“ и „Севильскаго Цирюльника“.

Едва дождавшись четырех-недельнаго срока, я вырвался из милаго, тѣнистаго, но скучнаго Мариенбада и, промчавшись черезъ Баварію, остановившись на день въ Аугсбургѣ, обѣгавъ и осмотрѣвъ этотъ, нѣкогда передовой постъ Римлянъ въ владѣніяхъ Тевтоновъ, потомъ громаднй базаръ между Европой и Востокомъ, потомъ имперскій городъ и т. д., полюбовавшись на остатки римскихъ вданій, на водопроводъ etc.—черезъ Линдау проѣхалъ къ Рейнскому водопаду, оттуда въ Цюрихъ, Люцернъ и теперь отдыхаю четвертый день, здѣсь гдѣ Вы отдыхали въ прошедшемъ году. Софья Алекс.[андровна], изъ письма моего къ ней, скажетъ Вамъ объ общемъ впечатлѣніи, какое произвела на меня Швейцарія. Я живо поддался ему, какъ всегда поддаюсь тому, что меня тронетъ, но чувствую, что скоро утомлюсь и отътого завтра же спѣшу дальше. У меня есть и время и средства осмотрѣть многое здѣсь, но боюсь изнемочь отъ жара, усталости и повредить курсу леченія. Впечатлѣнія же не залегаютъ уже глубоко въ душу, а встревоживъ ее на минуту, испаряются, почти не оставляя слѣда. Это весьма понятное фізіологическое явленіе: пища въ молодомъ, свѣжемъ и здоровомъ организмѣ распредѣляется извѣстнымъ, правильнымъ путемъ, поступаая въ кровь, соки и проч., чтобы поддерживать жизнь, давать ей ходъ и т. д. Идеи, впечатлѣнія, чувства—не то же ли дѣлаютъ въ нравственной нашей природѣ, Г. профессоръ-академикъ? Въ пору силъ, дѣятельности—онѣ послужатъ матеріаломъ для совиданія... А когда организмъ ослабѣетъ, одряхлѣетъ—тогда и не спитса, и не ѣстса, зачѣмъ же сочные куски и искрометныя вина? Не помогутъ! Такъ и впечатлѣнія—не послужатъ матеріалами ни къ чему. Словомъ, я убѣдился окончательно, что болѣе уже не скажу никогда ни одного умнаго слова и не напишу ни одной живой строки, поэтому и не волнуюсь никакими, лично до меня касающимися вопросами. Поговоримъ теперь о другихъ вопросахъ. Вы писали, что будто Гр.[афъ] Пут.[ятинъ] отказался отъ своего поста, между тѣмъ *человѣкъ, боящійся умныхъ людей*, какъ Вы его назвали, (теперь онъ здѣсь) сказывалъ мнѣ, что тотъ уже вступилъ въ свою должность, и прибавилъ къ этому, что онъ приближаетъ къ себѣ *Кис.[ловскаго А. Е.]* ¹⁾ и что „это скверно—для

¹⁾ Съ 1860 г. директоръ канцеляріи м-ва народн. проsv. Въ Зап. и Дневн. Никитенка читаемъ: „1861 г. Мая 22. Толки о Ковалевскомъ (бывшемъ м-рѣ), что онъ слабъ характеромъ: оставилъ по себѣ зародышъ язвы, который можетъ отравить все управление новаго министра [т. е. Путятина] — Кисловскаго, будто теперь мѣтящаго въ директоры депар-

дѣла и для всего, потому де, что тотъ великій негодяй“ и т. д. Я просто спросилъ его, отъ чего же молъ Вы его не удалили? Онъ отвѣчалъ, что этотъ упрекъ онъ вполне заслуживаетъ, но во 1-хъ, онъ держалъ онаго негодяя въ черномъ тѣлѣ и воли ему не давалъ; во 2-хъ онъ бы позже это и сдѣлалъ, но онъ не думалъ, что долженъ будетъ самъ такъ скоро оставить свое мѣсто; въ 3-хъ, наконецъ—что, еслибъ онъ и удалилъ его, то Гр.[афъ] Пут.[ятинъ] приблизилъ бы его, черезъ племянника, опять къ себѣ. Здѣсь же я опять встрѣтилъ Мещерскихъ ¹⁾: всѣ мы другъ-другу обрадовались. Еслибъ Вы узнали это семейство, Вы непременно полюбили бы его: сколько въ нихъ доброты, мягкости и простоты. У нихъ мнѣ также хорошо, какъ почти у Васъ.

Всѣ они живутъ у Обера, которому я отдалъ Вашъ поклонъ. Онъ очень Васъ помнитъ и спрашиваетъ, отъ чего Вы не пріѣхали. Я изъ Мариенбада путешествую съ однимъ русскимъ московскимъ семействомъ: по пріѣздѣ сюда мы болѣе часа ѣздили и у всѣхъ дверей стучались, чтобы переночевать, но все было занято, наконецъ едва помѣстились въ отели Casino, гдѣ и красиво, и удобно и недорого. Черезъ день Оберъ предлагалъ мнѣ переѣхать, но какъ я черезъ день т. е: завтра уѣзжаю, то и не стоило труда переѣзжать. Выпилъ я сегодня утромъ стаканъ сыворотки, изъ любопытства, и чуть не отдалъ выпитое назадъ. Я еще на діетѣ и потому позволяю себѣ только въ мечтахъ хорошенько пообѣдать въ Парижѣ, а пока печально жую телятину и лакоплюсь компотами.

Въ Парижѣ я надѣюсь быть къ 1-му нашего Августа, а 5-го или 6-го въ Булони. Если благоволите, почтенный другъ, то мало помедливъ, напишите мнѣ въ Булонь, чѣмъ меня несказанно обрадуете. Тамъ я пробуду вѣроятно до 25 Августа, все по нашему же стилю.

Говорятъ, Николай Романовичъ [Ребиндеръ] ²⁾ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто Кис.[ловскій]: правда ли это? Каково дѣй-

таментъ м-ва народн. проsv.“ И. даѣе—„1861 г. Августа 2.... сообщилъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о нашемъ новомъ м-рѣ (Путятинѣ). Во-первыхъ, Кисловскій опять входитъ въ силу и готовится играть роль, какую игралъ при Норовѣ“. При Путятинѣ Кисл. былъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры. Подъ его наблюдениемъ находилась „Сѣверная Почта“, редактируемая въ 1862 г. сначала Никитенкомъ, затѣмъ Н. В. Варадиновымъ, а послѣ него И. А. Гончаровымъ.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Въ 1861 г. директоръ департамента м-ва народн. проsv., большой пріятель А. В. Никитенка.

ствуешь Ефимъ Васильевичъ [Путятинъ]? Любопытно мнѣ видѣть его въ этой роли.

Вернуться домой мнѣ хочется сей разъ пораньше, и именно въ первой половинѣ Сентября, чтобы не засталъ меня холодъ въ пути. Не знаете ли, собирается ли Языковъ (хромой) въ Парижъ: если мы тамъ съ нимъ и съ Боткинымъ ¹⁾ сойдемся, то-то помянемъ Васъ, дражайшій и вселюбивѣйшій другъ. До свиданія, жму Вашу руку, кланяюсь Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 18.

Булонь, 16 (28) Августа 1861.

Нынѣ, государь мой и вселюбивѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, нахожусь я паки у моря, у окіяна и симъ великимъ зрѣлищемъ столь много веселюсь, что ничѣмъ инымъ сего выразить не могу, токмо слезами.

Хощу зѣло вамъ, государь мой, вѣсть о себѣ дать, тѣмъ паче, что оная, чаю, будетъ послѣдняя до возвращенія моего въ отечество.

Здѣсь все, скажу Вамъ, идетъ по старому: также живо и суетно все на набережной, также толпой идутъ купальщички на побережье, гдѣ ласково встрѣчаютъ ихъ Паранти ²⁾; та же старуха раздаетъ подштанники и кофты. И устрицы продаются на томъ же мѣстѣ, и песъ Гекторъ, по прежнему, принимаетъ отъ прохожихъ су и покупаетъ себѣ сухари; тотъ же пѣвецъ неистово оретъ въ харчевнѣ, леди и миссъ также, распустя мокрые волосы, бѣгутъ съ купанья завтракать. Только іудейка перчаточница заболѣла и увѣхала лечиться и вмѣсто себя, посадила въ лавкѣ сестру, которая еще съ бѣльшимъ остервенѣніемъ примѣриваетъ покупателямъ перчатки. Что касается до Мартыновны, то хотя оная и предсѣдательствуетъ по прежнему, въ своемъ заведеніи, но вворъ ея унылъ, голова склоняется долу и кудри печально осѣняютъ носъ, по коему иногда катится слеза. Я спросилъ ее о причинѣ сей печали

¹⁾ Вас. Петровичъ. Г-нъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣсколькими братьями Боткиными.

²⁾ Купальщичкъ.

и она повѣдала мнѣ, что сынъ ея, единственное чадо, женится на дѣвушкѣ зазорнаго поведенія, торгующей башмаками, что не разъ она, мать, отвлекала его отъ подобныхъ намѣреній, но что оный сынъ, зѣло блудный и склонный къ женскому полу, паче пса Гектора, на сей разъ ничему не внимлетъ, требуетъ отъ нея, матери, 15 тысячъ франковъ и заключаетъ сей постыдный бракъ. Но она, не желая сего позора, продаетъ кофейню, беретъ свои капиталы и удаляется въ дивую пустыню доживать старыя дни. И такъ все по старому, только сей годъ почему то отецъ Бажановъ [В. Б.] ¹⁾ не пріѣхалъ, да еще нѣтъ со мною того непроходимаго привередника, коего я ввергалъ въ прошломъ году насильственно въ океанъ, что причиняетъ мнѣ печаль немалую. Я сиротою расхаживаю по океану и нынѣ въ дванадесятый разъ мѣрялъ съ нимъ свои силы и увидалъ, что онъ горазже сильнѣе меня, ибо былъ поверженъ имъ на песокъ, съ наплеваниемъ мнѣ въ ликъ и затылокъ многой пѣны.

Свелъ я знакомство здѣсь съ протестантскимъ пасторомъ и женою его, зѣло красивою леди. Много спорятъ они со мною о томъ, что якобы мы грѣшимъ передъ Богомъ, поклоняясь Божьей матери, что сего ни въ Библии, ни въ Евангелии и ни въ какихъ другихъ писаніяхъ не указано, что Апостолы не молились ей—и многія тому подобныя грѣшныя рѣчи держать. А что отвѣчать имъ на то, я не знаю.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлый годъ комедію играли о Св. Антоніи и о томъ, какъ его якобы бѣсъ искушалъ, представляютъ нынѣ иное богопротивное зрѣлище, а именно всю исторію І. Х., какъ его ведутъ на распятіе, какъ Онъ молятся въ вертоградѣ, потомъ несетъ крестъ, а потомъ воздымаютъ и распятіе, въ заключеніе же Онъ воскресаетъ. Все это представляютъ нѣкіе дюжіе мужики, а баба Божию мать представляетъ, другая же Марію Іаковлеву, все въ живыхъ картинахъ и пантомимой. Зѣло грѣшно и противно; при семъ и музыка играетъ, и бубны бьютъ.

Побывъ мало здѣсь, дней пять, да дней пять въ городѣ Парижѣ, направляю путь свой на Берлинъ.

Желаю бы знать, какъ Вы всѣ обрѣтаетесь, въ добромъ ли здоровьѣ? Кланяюсь много Государынямъ Казимірѣ Казиміровнѣ, Екатеринѣ и Софьѣ Алек.[сандровнамъ], а также и лютому

¹⁾ Протопресвитеръ, придворный духовникъ, профессоръ и почетный членъ академіи наукъ.

шалуницу Александру. Бью много челомъ и государю моему Марку Николаевичу ¹⁾. А затѣмъ до свиданія, дерзаю обнять Васъ. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 19.

30 Августа [1861 г.]

Сегодня, по обычаю, я собрался было къ Вамъ, любезнѣйшій именинникъ Александръ Васильевичъ, чтобы хоть часъ-другой провести на Вашемъ семейномъ праздникѣ: но хлынулъ дождь и превратилъ праздникъ въ будни, тепло въ холодъ—и я остался, побоясь усилить въ вагонѣ ревматическую боль въ ногахъ, которую успѣлъ нажить по прїѣздѣ сюда, вмѣстѣ съ осеннимъ расположеніемъ духа.

Все это не мѣшаетъ однако мнѣ этими строками напомнить Вамъ о моемъ существованіи, поздравить Васъ и Вашихъ съ имениннымъ праздникомъ—и въ заключеніе сказать, что я есмь, былъ и буду искренно преданный Вамъ

И. Гончаровъ.

№ 20.

На рецензію Обломова въ Сѣверной почтѣ рассчитывать не дерзаю, но на нѣсколько строкъ, на краткій отзывъ, который бы напомнилъ публикѣ о второмъ изданіи надѣяться буду, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

И какъ теперь дѣло идетъ не столько о моей литературной репутаціи, сколько о сбытѣ этого второго изданія, то если Вы благоволите вставить какъ-нибудь слова: что *въ первой части мѣстами сдѣланы сокращенія длиннотъ и кое-идь слаженъ слогъ, словомъ романъ тщательно авторомъ просмотрѣнъ* (что совершенно справедливо), то это много поможетъ сбыту книги, о чемъ я теперь сладостно мечтаю.—Симъ обяжете великаго Вашего почитателя

И. Гончарова.

Ужѣ, надѣюсь, оба свидимся въ бѣлыхъ галстукахъ.

21 Января 1862 г.

¹⁾ Любоцинскій, въ то время об.-прокуроръ перваго департамента сената, родственникъ жены Никитенка.

№ 21.

Симбирскъ 17 Іюня 1862 г.

Вотъ ужъ второй мѣсяцъ пошелъ, наипочтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, какъ я процвѣтаю на берегахъ Волги и въ сію минуту во второй разъ токмо берусь за перо, чтобы напомнить Вамъ объ одномъ изъ отсутствующихъ друзей изъ опасенія, какъ бы не исполнилась надо мной справедливость французской пословицы, что отсутствующіе виноваты тѣмъ, что они—отсутствуютъ (*Les absents ont tort*). Во второй разъ—говорю—потому что въ первый разъ писалъ къ племяннику о домашнихъ дѣлахъ; не знаю, напишу ли кому-нибудь въ третій, ибо всѣ близкіе люди, за исключеніемъ ближайшаго изъ нихъ, т. е. Васъ, тоже отсутствуютъ изъ Петербурга. Самъ я пребуду здѣсь яко два мѣсяца, да и того, кажется, не пребуду, а въ началѣ Іюля, съ сестрою ¹⁾ и ея дѣтьми, потеку Волгой до Нижняго, а оттоль желѣзнымъ путемъ до Москвы, для помѣщенія тѣхъ дѣтей въ пансіонъ, а изъ Москвы, въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа потщусь прибыть на свое мѣсто, если только могу назвать какое-нибудь мѣсто своимъ на семъ свѣтѣ. Не трудите себя отвѣтомъ ко мнѣ: опасаясь, что таковой меня здѣсь не застанетъ, а паче всего зѣло веселюсь упованіемъ пасть симъ же лѣтомъ въ Ваши объятія.

Живу я среди своихъ, собравшихся тѣсною семьей около меня, въ маленькомъ домикѣ, набитомъ, какъ улей, все родными обитателями. Мнѣ тутъ пріютно, привольно, покойно и мирно—скучно. Эту мирную скуку и тихій сонъ души будятъ подъчасъ неистовые, долетающіе оттуда, отъ Вашихъ мѣстъ дикіе вопли, плачь и скрежетъ зубовъ съ пожаращъ. Что за ужасъ, что за безобразіе! Хотѣлось бы послушать правды, узнать, въ чемъ дѣло, кто, что, какъ? А здѣсь узнать нельзя: газеты на что-то намекаютъ и не договариваютъ, извустная молва горюдитъ такіа чудеса, что береги только уши! ²⁾

Я здѣсь, какъ и вездѣ, ничего не дѣлаю: это, кажется, главное мое призваніе, насилу я догадался, а не дѣлаю ничего, сколько въ силу этого самаго призванія, столько же и по обстоятельствамъ: домикъ, въ которомъ обитаю, такъ малъ, что слово, сказанное въ

¹⁾ Александрой Александровной Кирмаловой.

²⁾ Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ петербургскихъ пожарахъ, вызвавшихъ большія волненія, т. к. подозрѣвались систематическіе поджоги, приписываемые тайнымъ политическимъ обществамъ.

одномъ углу, слышно въ другомъ и, мнѣ приходится теперь возобновить нѣкоторыя морскія привычки т: е: засыпать, напримѣръ, иногда, если не подъ шумъ бури, то подъ грохотъ увертюры изъ Вильгельма Телля, разыгрываемой племянницами; или набѣгутъ племянники, коихъ у меня много, и на шумъ, на кричатъ и я кончу тѣмъ, что начну шумѣть самъ, или уйду съ ними на Волгу и въ поля.— Ужъ я теперь окончательно рѣшилъ, что писанье мое минуло безвозвратно и что для меня опять настаетъ пора тяжелаго, служебнаго труда, если только съ Вашею ли, или иною помощью найду случай пристроиться какъ-нибудь. Если же нигдѣ меня не возьмутъ, если никто изъ тѣхъ важныхъ друзей, которые такъ ласковы со мной, пока ихъ о чемъ-нибудь не попросишь, не призреть меня, то надо будетъ обречь себя на угасаніе, увы, можетъ быть, продолжительное, гдѣ-нибудь въ щели—и прощай благовонныя сигары, прощай Мариенбадъ, Дрезденъ и Булонь: независимое нищенство будетъ моимъ удѣломъ!

„Пиши“ говорятъ, иные лицемерно, а другіе отъ того, что не могутъ отличить канцелярскаго писанья отъ писанья литературнаго.—„Пиши“ твердятъ, когда нельзя писать, когда на носу бури и пожары, отъ которыхъ искусство робко прячется, когда надо писать грязью или вовсе не писать; „пиши“ твердятъ, когда все опротивѣло, на душѣ стоятъ слезы, когда чувствуешь, что пережилъ годы писанья, какъ пережилъ годы страстей и завялъ. Нельзя писать и не стану, развѣ только придется писать докладъ или записку. Забавно слушать, когда воображаютъ, что лѣнь можетъ удержать отъ творческаго дѣла, нѣтъ, не лѣнь—а миллионъ другихъ психологическихъ, физиологическихъ и просто логическихъ причинъ.—Всего досаднѣе, что и Софья Алекс. Никитенко, которой, равно, какъ и всѣмъ Вамъ и Вашимъ дружески кланяюсь, полагаетъ, что одной такой пошлой причины, какъ лѣнь, достаточно, чтобъ положить перо человѣку пробужденному и уже бравшемуся за перо. Обнимаю Васъ въ ожиданіи пріятнаго свиданія. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 22.

Четвергъ, 18 Октября [1862 г.]

Ал. Гр.¹⁾ просить прислать теперь же къ нему *адресъ По-*

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, извѣстный статистикъ; съ нимъ И. А. познакомился въ 1862 г., когда онъ былъ главнымъ редак-

*домская дворянства*¹⁾: поэтому потрудитесь, почтеннѣйшій другъ, отослать къ Александру Григорьевичу помянутый документъ прямо отъ себя съ моимъ же разсылнымъ, которому я велѣлъ подождать отвѣта. Вѣроятно Вы уже знаете адресъ, а если нужно что-нибудь для памяти, то не извлекете ли на особую бумажку то, что можетъ понадобится для Вашего соображенія?

№ 23.

Воскресенье. [21 Октября 1862 г.]

Завтра, въ *Понедѣльникъ*, 22 Октября—прежній Главный Редакторъ Сѣверной Почты, въ торжественномъ засѣданіи у *Дюссо* (что въ Большой Морск., въ домѣ Жако), въ 5 часовъ пополуночи, передастъ свои права и обязанности, также пароль (словомъ, все, кромѣ привередничанья) новому редактору²⁾, въ присутствіи редактора Политическаго Отдѣла той газеты, а также Редакторовъ СПБ. Вѣдомостей, Отеч. Записокъ и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей, нарочно для сего приглашенныхъ новымъ Редакторомъ. Послѣ означенной передачи приступлено будетъ къ совѣщаніямъ о томъ, въ какой степени и размѣрахъ можетъ быть главному редактору предоставлено, при его обязанностяхъ, упражняться въ лѣвнн и склонности къ прекрасному полу, — а также и о вѣрнѣйшемъ изысканіи къ тому надлежа-

торомъ „Сѣверной почты“, Г-ий же былъ въ то время товарищемъ м-ра вн. дѣлъ; служебныя отношенія ихъ прекратились въ мартѣ 1867 г., когда послѣдній былъ назначенъ членомъ гос. сов., отношенія же добрыхъ знакомыхъ продолжались и впоследствии до смерти Гр. въ мартѣ 1871 г. Четыре письма Г. къ Гр. напечатаны М. Θ. Суперанскимъ въ „Вѣсти. Евр.“ 1908 г., № 12.

¹⁾ Дворяне Подольской губерніи въ поданномъ на высочайшее имя адресѣ 10 октября 1862 г. „требовали“ соединенія названной губерніи съ Польшею. Цитируемъ по соч. С. Татищева, Императоръ Александръ II. Т. I, стр. 458. Нѣсколько любопытныхъ строчекъ о подробностяхъ выработки, какъ можно думать, именно этого адреса, находимъ въ воспоминаніяхъ В. С. и Θ. Ф-ка—„Изъ Подольской старины“. „Русск. Стар.“, 1911 г. № 12, стр. 547.

²⁾ По приглашенію П. А. Валуева, бывшаго тогда м-ромъ вн. д., Г. во второй половинѣ 1862 г. принялъ на себя главную редакцію официальной „Сѣверной Почты“. Въ слѣдующемъ году (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ) онъ уже сложилъ съ себя эти обязанности. См. Никитенко. Записки и Дневникъ. 1862 г. Юля 7 и 1863 г. Юля 6. О намѣреніяхъ Валуева, вызвавшихъ появленіе этого органа, см. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. СПБ. 1904, стр. 92.

щихъ способовъ и средствъ. Главнымъ руководствомъ въ семъ случаѣ будутъ приняты совѣты и указанія бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты ¹⁾ и многолѣтняя опытность Редактора С.-Петербургскихъ вѣдомостей ²⁾.

Въ заключеніе новымъ редакторомъ предложено будетъ на общее обсужденіе нѣсколько важныхъ вопросовъ, которыхъ онъ намѣренъ касаться въ издаваемой имъ газетѣ, а именно, о пониженіи платы за сохраненіе шубъ у скорняковъ на лѣтнее время и о неусыпномъ преслѣдованіи бродяжничества собакъ въ ночное время по улицамъ ³⁾.

При окончаніи засѣданія обращено будетъ строгое вниманіе на то, чтобы не произошло умышленнаго обмѣна верхняго платья господъ членовъ собранія.

О вышеозначенномъ симъ доводится до свѣдѣнія Его Превосходительства бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты и ожидается благосклоннаго отвѣта.

№ 24.

Мнѣ кажется, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, большая часть недоразумѣнія, между прочимъ, падаетъ и на меня. Александръ Григорьевичъ [Тройницкій]—противъ помѣщенія въ газетѣ адреса, какъ онъ есть, но не прочь отъ краткаго о немъ упоминовенія, каковое упоминовеніе, сколько я могъ его понять, и должно бы подать поводъ къ статьѣ. Я тоже съ своей стороны допускалъ *нѣкоторую, но мизкую* цитату на адресъ, такую цитату, которая бы касалась только того пункта, гдѣ говорится о *присоединеніи Западнаго края*, оставляя все прочее рѣшительно въ сторонѣ, ибо все остальное судить не наука, не литература, а Сенатъ, Госуд. Совѣтъ и даже III-е Отдѣленіе. Слѣдовательно, я настаивалъ только на томъ, чтобы отдѣлить бездной авторитетъ газеты, какъ литературнаго органа, отъ авторитета правительственной власти,

¹⁾ Т. е., Никитенка, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что послѣ него и до Гончарова главнымъ редакторомъ „С. Почты“ нѣсколько мѣсяцевъ былъ Н. В. Варадиновъ.

²⁾ Т. е. А. А. Краевскаго, который редактировалъ эту газету въ теченіе десяти лѣтъ (1862 - 1862).

³⁾ Постоянное раздраженіе, вызываемое у Г—а уличными собаками, выразилось въ нѣсколькихъ любопытныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ Г—мъ въ „Голосъ“ 1864 г., №№ 50 и 124; 1865 г. №№ 1 и 70 и перепечатанныхъ А. Мазономъ въ „Русск. Стар.“ 1912 г. № 3, стр. 555-568.

чтобы они не впали въ одну ноту, чтобы первую т. е: литературу и газету, а съ ними и насъ съ вами, не обвинили въ сообщничествѣ съ уголовнымъ уложеніемъ, поэтому я и настаивалъ, чтобы статья писана была не по поводу адреса, или—если по поводу его, то чрезвычайно осторожно. Вы сами, можетъ быть, съ перваго раза инстинктивно, но и сами чувствовали это, ибо поставили первымъ условіемъ не подписывать имени подъ статьей, тогда какъ—не будь этого несчастнаго столкновенія съ адресомъ—Вы бы не усомнились подписаться.

Вы будете у Алекс.[андра] Григ.[орьевича] и я тоже завтра и послѣзавтра увидаюсь съ нимъ—мы объяснимъ ему все это и, можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ отложить статью до того времени и случая, когда литературѣ можно будетъ произнести и свой судъ, не совпадая съ короннымъ судомъ преобладающей власти надъ этимъ адресомъ, какъ надъ политическимъ преступленіемъ ¹⁾.

И такъ до 5 часовъ у Дюссо (въ верхнихъ комнатахъ).

Всегда Вашъ И. Гончаровъ.

22 октября [1862 г.].

№ 25.

[Октябрь ?] [1862 г.].

Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, потрудитесь прислать, если Вы дома, теперь же, съ этимъ посланнымъ, а если Васъ нѣтъ, то хотя послѣ обѣда, всѣ *матеріалы по Подольскому адресу въ Редакцію Почты*. При свиданіи объясню, какъ съ ними и съ предполагаемою статьею будетъ, съ согласія Александра Григорьевича [Тройницкаго], поступлено. А теперь такъ некогда, что могу только мысленно Васъ обнять. И. Гончаровъ.

Четвергъ.

¹⁾ Особой статьи объ адресѣ подольскаго дворянства нами въ „Сѣверной Почтѣ“ за время редакторства Г--а найдено не было; только въ № 270 отъ 12 декабря 1862 г. въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, въ статьѣ о депутаціяхъ и письмахъ по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи появилось глухое указаніе на этотъ адресъ въ словахъ: „Начальникъ губерніи [волинской] приписываетъ общее настроеніе къ представленію вышеупомянутыхъ пасемъ желанію заявить такимъ образомъ протестъ противъ стремленій, выраженныхъ въ противузаконномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи подольскаго дворянства состоявшемся на послѣднихъ выборахъ“.

№ 26.

Вторникъ. [Октябрь ?] [1862 г.].

Пожалуйста, Александръ Васильевичъ, не говорите ничего Арсеньеву [И. А.] ¹⁾, не повидавшись со мной: Вы увидите, что это необходимо. Я еще слышалъ кое-что о немъ, послѣ чего всякіе разговоры дѣлаются бесполезными. Дай Богъ, чтобъ это были обыкновенныя сплетни, но все-таки надо быть осторожнымъ.

Посылаю Вамъ Отеч. Зап., гдѣ въ *Современной Хроникѣ* задѣта Почта, Вы, я и многіе другіе ²⁾. До свиданія. Вашъ

И. Гончаровъ.

Если у Васъ есть уже прочитанные журналы, то передайте ихъ разсылному, а онъ отнесетъ въ редакцію.

№ 27.

[1862 или 1863 г.].

Вотъ, прилагаю при этомъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, одну изъ трехъ тетрадей Г. Ржевскаго [В. К.] ³⁾: ихъ всѣхъ было три; двѣ уже напечатаны и листки отъ нихъ не найдутъ въ типографіи, которая, какъ извѣстно, переѣзжаетъ, а если найдутъ, то будутъ къ Вамъ доставлены.

Эти три тетради переданы были мнѣ Г. Варадиновымъ [Н. В.] ⁴⁾ уже съ намѣченными карандашемъ исключеніями и прочтены мною только въ корректурѣ, слѣдовательно, если авторъ будетъ ими недоволенъ, то мнѣ нельзя его успокоить даже объясненіемъ причинъ этихъ исключеній въ цензурномъ отношеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сотрудникъ и одно время редакторъ политическаго отдѣла „Сѣверной Почты“. Впослѣдствіи (въ 1865—1866 г.г.) редактировалъ „Петербургскій Листокъ“, а съ 1867 г. открылъ свою собственную „Петербургскую газету“.

²⁾ Въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., въ томѣ 144, вышедшемъ въ октябрѣ, въ отдѣлѣ „Современной Хроникѣ“ на стр. 49—50 говорится съ ироніей объ объявленной „Сѣверною Почтою“ программѣ.

³⁾ Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Почты“, состоявшій нѣкоторое время редакторомъ отдѣла внутренней лѣтописи.

⁴⁾ Въ 1862 г. послѣ Никитенка, до Гончарова былъ редакторомъ „Сѣверной Почты.“ Съ 1863 г. состоялъ членомъ въ учрежденномъ П. А. Вагуевымъ совѣтѣ м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія, въ составѣ котораго былъ также Никитенко, а нѣсколько позднѣе и И. А. Гончаровъ.